

Маркелова Софья

СОЛОМЕННЫЕ КУКЛЫ

Софья Сергеевна Маркелова

Соломенные куклы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70280404

SelfPub; 2024

Аннотация

Враный остров раскрывает свои тайны лишь перед теми, кто готов поверить в жуткие слухи, что ходят об этом затерянном месте. Одни говорят, что, ступив на его берега, обратно можно уже не вернуться и навсегда стать частью острова и его золотистых ячменных полей. Другие же твердят, что люди, живущие там, вовсе и не люди... А чему готовы поверить вы? Обложка для рассказа создана нейросетью DreamStudio.

Софья Маркелова

Соломенные куклы

Уединённый остров Враный можно было полностью обойти неспешным шагом за два часа. Окаймлённый медно-коричневыми водами Онежского озера он казался болезненным и ссохшимся клочком плоти, на котором лишайным пятном раскинулась забытая богом деревня. Небольшое селение стояло у самой пристани, сразу за домами начинались ячменные поля, где кланялись земле полновесные колосья, а на вытянутой оконечности острова ютились руины развалившейся часовни, давно поросшие крапивой и звербоем.

За три дня пребывания здесь Рома успел изучить каждую былинку и всей душой возненавидел эту обитель скуки и кровососущей мошкары. От местных красот уже сводило зубы, но Вера настойчиво продолжала таскать его на унылые однообразные прогулки.

– Дыши свежим воздухом, любуйся живописными видами! – убеждала Рому супруга, пока они бесцельно слонялись по посёлку под палящим августовским солнцем. – Скоро вернёмся в город, и там ты такого нигде не увидишь!

– Зато в городе есть интернет и безналичный расчёт...

Вера сердито сверкнула на него глазами поверх очков. Это была именно её идея выбраться в отпуск на один из отдалённых островов Онежского озера. Она заранее всё продумала,

начиная с билетов и заканчивая жильём. Комнату Вера забронировала в аутентичном гостевом доме, единственном на весь остров. Дом был бревенчатым, старым, но ухоженным, его хозяин расхаживал всюду в картузе, жилете и сапогах с лаковыми голенищами, а на завтрак для гостей непременно ставил пузатый самовар. По мнению Веры, только такой отдых мог им надолго запомниться и восстановить душевное спокойствие, давно и безнадежно уничтоженное городской серостью и вечными тревогами, присущими любому современному человеку.

Но РOME пока отпуск запомнился лишь изнурительной дорогой и тоскливой обстановкой. Когда они на катере добрались от Петрозаводска до острова Враный, Рому укачало и дважды вырвало, а по прибытии в гостевой дом сразу возникли непредвиденные проблемы: туалет стоял на улице, вместо горячей воды был летний душ с баком, а из матраса упорно лезла колючая солома. О каком полноценном отдыхе могла идти речь в таких нечеловеческих условиях?

– Ты смотришь на всё с негативной точки зрения, – упрекнула его жена, провожая взглядом милую девочку, игравшую с деревянной лошадкой у обочины. – Представь, что ты снова в детстве, приехал к бабушке с дедушкой в деревню. Ещё нет никакого интернета, компьютеров и жидкокристаллических телевизоров. Жизнь чудесна в своей простоте! Можно весь день купаться, валяться на солнце и есть малину с куста...

Вера мечтательно облизала губы и улыбнулась собственным воспоминаниям. Рома же лишь безрадостно почесал локоть, куда его только что укусил комар, и мысленно посчитал дни до отбытия. Оставалось продержаться ещё четверо суток. Немало.

– В следующем году место для отпуска выбираю я.

Вера молча проглотила скрытый упрёк. Его выбор был для неё очевиден: пятизвёздочный отель на берегу моря, и чтобы непременно со шведским столом и неограниченным интернетом.

Впереди показалась старенькая деревенская пристань. У потемневших от времени свай на волнах покачивались привязанные рыбацкие лодки, то и дело мягко стукавшиеся бортами. Вера с Ромой прошли до конца дощатого пирса и сели на самом краю. Скинув обувь, они опустили ноги в воду, нагретую солнечным зноем.

– Да ты только погляди на эти пейзажи, – со вздохом восхищения произнесла Вера, заправляя за ухо непокорную прядь светлых волос. – Какой простор, какая безмятежность...

– Озеро как озеро, глушь как глушь, – пробурчал Рома.

– А ты подумай, сколько веков назад люди заселили эти крошечные затерянные острова. Когда-то тут и жизни не было, а после поплыли по Онеге изящные ладьи, выросли на берегах рыбацкие деревеньки. Глядя на эти пейзажи, я мысленно отправляюсь в путешествие по прошлым эпохам.

– Да тут ничего и не изменилось с тех пор. Те же лодки, те же дома доисторические.

– Дурак ты, Ромка. Люди так хранят традиции и заветы, оставленные им прадедами...

– Верно-верно, дочка, – раздался внезапно старческий голос. – Человек, что не чтит обычаи предков, подобен дереву со сгнившими корнями. А мы здесь обычаи чтим.

Роман обернулся поглядеть на деревенского философа. Сморщенный дедок в соломенной шляпе с обтрёпанными краями сноровисто отвязывал от опоры пирса свою лодку. Его длинные пальцы ловко управлялись с верёвкой, распутывая узлы один за другим.

– А вы, молодые люди, хоть знаете что-нибудь об укладе нашем? О быте на Враном острове? Или же вы так, загораете да бездельничаете, а обычаями местными не интересуетесь?

– Да какие тут могут быть обычаи... Пять лачуг и коровья лепёшка на всеми забытом острове... – едва слышно проворчал Рома, и Вера сразу ткнула его локтем под рёбра.

– Мы, дедушка, только недавно приехали, – обратилась она к старику. – Пару дней гуляли, любовались красотами. Да и всё, больше ничего не успели.

– А хотите, я вас в одно заповедное место свожу на лодке? На Соловый холм. Я частенько его приезжим показываю, кому интересно бывает.

– Соловый холм?

– Ага. Слыхали что-нибудь о наших, врановских, соло-

менных куклах, а?

Вера отрицательно покачала головой.

– То-то же! А я и показать могу их и рассказать подробно, почему у нас до сих пор принято делать соломенных кукол в человеческий рост.

– И почему же? – буркнул Рома.

– Это часть древнего обряда, связанного с похоронами.

– Звучит увлекательно! – загорелась Вера, поправляя очки. – Про такое мы ничего не слышали!

– Это плыть надо куда-то? – без энтузиазма спросил Рома.

– Дык у меня же лодка-моторка, сынок. Я вмиг вас туда и обратно домчу.

– Ром, ну давай! – Вера схватила мужа за локоть. – Вот тебе и культурный досуг – экскурсия с местным колоритом. Хоть узнаем что-то новое! Сам ведь жаловался, что заняться нечем!

– Нет уж, я не поплыву. Я после прошлого круиза едва оклемался и к новому пока не готов.

– Ну Рома!

– Меня укачает, говорю же тебе.

– Я тогда одна поеду!

– Ага, валяй. Смотри только, чтобы дед тебя не отвёз куда подальше и не притопил по-тихому. Мало ли он окажется местным психом...

– Рома!

– Эдакий ты шутник, сынок, – беззлобно усмехнулся

дед. – Не бойся, верну твою жёнку в целости и сохранности. А если мне не веришь, спроси вон у кого угодно в деревне – добрый ли человек дедушка Афанасий. Уверен, ни одной души не найдёшь, что дурно обо мне отзовется.

Вера предприняла ещё одну попытку уговорить супруга, но он окончательно решил остаться на земле, предпочтя твёрдую почву под ногами зыбкой надёжности старой лодки. Дед усадил девушку на скамью в носовую часть, завёл старый тархтящий мотор и вскоре отчалил от пирса.

– А это место далеко от острова? – запоздало поинтересовалась Вера.

– Нет, дочка, – перекрикивая шум мотора, ответил дед Афанасий и придержал соломенную шляпу, которую чуть не снесло ветром. – Соловый холм раньше частью Враного был. А после вода в озере поднялась, затопила узкий перешеек. Ещё пару лет можно было пешком по отмели дойти. А нынче без лодки туда не добраться.

Вера кивнула. Прикрыв рукой голову от солнца, она любовалась буроватыми водами Онежского озера, и то и дело улыбалась, когда ей на кожу попадали прохладные брызги, а лучики света плясали на её льняных волосах.

Лодка, высоко задрав нос, неслась по волнам, лихо подпрыгивая. Они оплыли Враный остров по широкой дуге, пока слева на берегу не показались руины старой часовенки. Здесь старик замедлил ход, повёл лодку аккуратнее. Из воды выглядывали песчаные и каменистые отмели, а вскоре

Вера обратила внимание на округлый зелёный холм впереди. Этот крошечный остров, весь поросший соснами и берёзами, выглядел уединённым и необжитым местом – каплей растительности в океане безжизненных холодных вод.

– Вот он. Соловый холм.

Они пристали к берегу там, где кусты были реже. Лодку Афанасий с помощью Веры затащил на песок, деловито отряхнул руки и зашагал к центру острова, попутно рассказывая:

– Деревенька наша совсем небольшая, как ты наверняка заметила, дочка. До ближайшего заселённого острова неблизко. Так и живём мы тут тихонько, сами по себе. Как жили предки. Оттого многие обычаи наши до сих пор сохранились в неизменном виде и уходят корнями в глубокую глухую древность.

Они продрались сквозь густой кустарник, частокол деревьев немедленно расступился, и впереди показалась освещённая солнцем прогалина со скошенной травой. На ней тесно жались друг к другу низкие бревенчатые избы. Крыши многих поросли мхом, из щелей срубов торчала пакля, а древесина потемнела. Дома имели нежилой вид, хотя в каждой избе виднелись целые стёкла и призывно были распахнуты резные ставни. А возле домов, под козырьками, в дверных проёмах и на крыльце стояли соломенные куклы в полный человеческий рост.

Вера в первое мгновение, как их увидела, даже впала в

ступор. Куклы были сделаны с большой любовью: одеты, обуты и украшены мелкими аксессуарами, вроде головных уборов, лент и простеньких украшений. Кто-то держал в руках корзины, другие – вилы или лопаты. У женских кукол волосы были заплетены в хвосты и косы.

Только лиц ни у кого не было.

– Делать к похоронам соломенные куклы с покойников – древнейшая наша традиция, – вещал дед, подойдя ближе к домам. – Куклы обязаны походить на усопшего.

– И для чего это всё? – спросила Вера.

– Солома имеет сумежную силу – и миру живых, и миру мёртвых одинаково она принадлежит. С её помощью душа покойного остаётся в кукле.

– А! И вы верите, что он как будто бы продолжает жить с вами, но в новом теле, да? – предположила Вера.

– Так и есть, дочка.

– А зачем здесь стоят эти домики?

Вера подошла к ближайшей избе и прижалась лицом к стеклу, поставив ладони козырьком. И сразу отшатнулась. По ту сторону окошка сидела безликая кукла в цветастом платке, повязанном вокруг головы, и, казалось, смотрела прямо на Веру через тонкую преграду стекла. На деле, конечно, она всего лишь была так усажена, но девушке почудилось, что соломенная гладкая поверхность лица была обращена точно на неё.

А кроме куклы внутри было ещё много всякой утвари, ме-

бели, даже половики, посуда и блестящий самовар на столе – как в настоящем обжитом доме.

– Как для покойника должен быть гроб, так и для куклы – дом.

Вера странно покосилась на Афанасия, и он, заметив этот взгляд, усмехнулся:

– И от непогоды укрытие. Чтобы солома не загнила, и куклы сохранились получше и подольше.

– А-а! Ну конечно же! Как я сама не догадалась? – просияла улыбкой Вера и продолжила изучать домики и их соломенных обитателей. Она приблизилась к крыльцу, где возле двери стояла высокая мужская кукла в старинном костюме и с ожерельем из баранок на шее. Вера уже протянула руку, чтобы потрогать хлебобулочные изделия и убедиться, что они ненастоящие, когда прямо из-за её плеча раздался хриплый голос деда:

– Не трогай кукол, дочка.

Вздрогнув от неожиданности, девушка отдернула руку и обернулась. Она даже не услышала, когда Афанасий успел к ней так незаметно подобраться. Его старческие выцветшие глаза влажно блестели из-под кустистых седых бровей, на которые была надвинута соломенная шляпа.

– Покойника ты ведь трогать не стала бы, да? Вот и кукол не трогай. Как в музее, дочка. Смотри, да руками не трожь.

– Хорошо, – миролюбиво согласилась Вера. – Мне просто показалась эта кукла очень знакомой. Мы с мужем остано-

вились в гостевом доме на краю деревни. Так вот наш хозяин носит точно такой же костюм. Один в один.

Вера махнула рукой в сторону куклы, на которой был надет чёрный вышитый жилет поверх полотняной рубахи, высокие сапоги и картуз с блестящим козырьком.

– Раньше многие так наряжались, – фыркнул Афанасий. – Идём дальше, дочка. Я покажу тебе самых стареньких наших кукол.

Он бодро зашагал вперёд, мимо невысоких изб и их соломенных обитателей, безмолвно наблюдавших за гостями. Вера послушно шла следом, озираясь, хотя ей было не по себе от пустых лиц, лишённых любых намёков на глаза, нос или уши. Она даже спросила деда, почему принято делать кукол именно такими – пугающе безликими.

– У нас бытует поверье, что в куклу без лица не может вселиться злой дух, – объяснил старик и, шагнув с тропки в кусты, продолжил оттуда: – А вот мы и пришли, дочка. Тут стоят самые старые наши избы и куклы. Многие, конечно, не такие аккуратные, как раньше, хоть мы и подновляем солому, следим как можем.

Вера нырнула в густые заросли травы, прошла за Афанасием и вскоре разглядела под сенью небольшой рощицы ветхое дома, которым явно была не одна сотня лет. Разросшаяся зелень укрывала их до самых крыш, срубы покосились, где-то брёвна разъехались, открыв широкие щели. Здесь явно бывали нечасто, всё выглядело совсем не так, как на той

солнечной поляне.

Здесьние куклы смотрелись устрашающе. Тёмная прогнившая солома разлохматилась, руки и головы съехали на бок, где-то плечи оказались заботливо залатаны, но прежний опрятный вид было не вернуть.

Хотя Вера старалась идти след в след за стариком, но в какой-то момент слишком засмотрелась по сторонам, зацепилась ногой за корягу в траве и рухнула прямо в заросли лебеды. Очки слетели и мгновенно затерялись в окружающей зелени. Ойкнув, Вера на четвереньках принялась их искать, пока не нащупала рукой в траве что-то твёрдое – башмачок.

В частокле сочных стеблей лебеды прямо перед Верой стояла детская фигурка, сделанная из соломы. Она была совсем невысокой, и разросшаяся трава надёжно скрывала её от случайных взглядов. На кукле висело почти истлевшее голубое платье, соломенные волосы были заплетены в две косички, одна из которых сгнила и распалась. А ещё маленькая забытая всеми девочка крепко прижимала к груди деревянную лошадку.

Вера прищурилась, пытаясь чётче рассмотреть игрушку, ведь та как будто была ей знакома. Но увидела она кое-что совсем иное: ей показалось, что на руках девочки, где солома истрепалась сильнее всего, проглядывали желтоватые голые кости.

– Дочка, упала, что ли? – внезапно раздался у неё над ухом обеспокоенный голос Афанасия. – Дай помогу тебе поднять-

ся!

Он сноровисто подхватил девушку под локоть, ставя её на ноги, и не давая полноценно разглядеть куклу. Вера сомневалась, показалось ей увиденное или всё же нет.

– Тут очки мои где-то...

– Да вот они лежат. – Дед наклонился за очками и отдал их девушке. – Ты смотри, как ты себе здорово колено-то рассадила. Кровь идёт.

Вера переключила всё внимание на разбитую коленку, которая в самом деле сильно кровила. Сразу из ниоткуда нахлынула боль, а мысли о кукле девочки с лошадкой отошли на задний план.

– Пойдём, дочка, в мой дом. Тут поблизости. А уж у меня найдётся, чем кровь остановить. Идём.

Афанасий с неожиданной для своего возраста силой взял Веру под локоть и повёл её мимо обветшалых тёмных домов в очередной бурелом. Вскоре показалась крошечная вытопанная полянка, где стояла одинокая избушка, выглядевшая совсем не так, как остальные дома на острове. Это была обжитая изба со строительными инструментами, небрежно сваленными у крыльца, и стогами сена возле боковой стены, накрытыми брезентом от влаги.

– Вы тут живёте? – изумилась Вера, когда дед пригласил её в свой дом. Обстановка внутри оказалась довольно простой: минимум мебели и утвари, зато у окна стоял широкий стол, заваленный ошмётками сена, тряпками и лентами. Се-

но тут вообще было всюду: на полу, на продавленном топчане, в тюках и корзинах у печки.

– А что не так? – спросил Афанасий, пододвигая ближе к девушке колченогую табуретку.

– Я думала, вы живёте в деревне...

– Каждый день бываю там, дочка. Но тут у меня мастерская. Тружусь в уединении.

– Пойдите... Так это вы всех этих кукол делаете? – осознала Вера.

Дедок усмехнулся, в уголках его глаз появились лучистые морщинки.

– А то! Меня потому все на Враном и кличут Афанасий Соломенный дедушка.

Старик занялся коленкой Веры. Смыл кровь, обработал какой-то вонючей травяной мазью и заботливо перебинтовал чистой полотняной тряпкой.

– Я кукол плету, сколько себя помню, дочка. Солома мне легко в руки ложится, потому и куклы у меня такие добротные выходят. Люди говорят, получаются как живые.

– Это правда, – улыбнулась Вера. – Если бы я своими глазами всё это не увидела, то ни за что не поверила бы, что существует целый островок, населённый только соломенными куклами. Ещё и ручной работы!

– Рад слышать, дочка. Вижу, остров наш тебе искренне по нраву пришёлся.

– Да! – Девушка восторженно прижала руки к груди. – Я

ничуть не жалею, что сюда приехала, и что согласилась отправиться с вами на эту занимательную экскурсию. Жаль, конечно, что муж отказался. Он всей этой красоты совсем не понимает, но зато я тут просто душой отдыхаю.

Дед довольно хмыкнул в ответ на её слова и коснулся полей соломенной шляпы:

– У нас на Враном люди нечасто бывают, но мы всем новым лицам тут очень рады. Без притока деревня совсем ведь выродится, традиции канут в небытие...

Верочка глянула на свои серебристые наручные часы и охнула, перебив старика:

– Боже мой, уже почти четыре! Рома там, наверное, с ума сходит от беспокойства!

Дедушка расстроился, но вида не подал. Только крикнул «Погоди минутку» и стал копаться на столе, перебирая солому и перекладывая всякие шкатулки, пока в его руках не появилась маленькая, с ладонь, соломенная куколка. Плетёный человечек был без лица, как и его большие копии, но с красным поясом из ленты и с длинными соломенными волосами.

– Это тебе, дочка.

– Ой, сувенир на память! – просияла Вера, забирая куклу. – Прелесть какая! Ну, дедушка, я эту поездку до конца своих дней не забуду. Спасибо вам огромное за доброту и щедрость!

Афанасий с улыбкой ей кивнул, и они покинули уютную мастерскую. Путь через кукольную деревню обратно к лодке

занял не больше пяти минут. Всё же Соловьи́й холм был совсем маленьким, и Вера в который раз подивилась, как старик мог тут жить один, в окружении таких безмолвных и безликих соседей.

До причала домчались с ветерком. Вера сжимала в ладони маленькую куколку-сувенир и мысленно улыбалась, уверенная, что её день прошёл просто отлично. На пирсе Ромы не оказалось. Девушка попыталась впихнуть Афанасию купюру за проведённую экскурсию, но дед деньги не взял и торопливо уплыл на моторке обратно в сторону Солового холма.

Вера поглядела ему вслед, а после сунула куклу в карман и побрела в деревню на поиски мужа. Ромы нигде поблизости не было, и девушка решила, что он вернулся в гостевой дом, страдать от безделья в кровати. На пороге их временно-го жилища орудовал соломенным веником хозяин, сдвинув фуражку на затылок и выметая сор с крыльца. Едва завидев Веру, он широко улыбнулся:

– У меня самовар уже готов. Будете чай с баранками?

– Ой, спасибо, я с удовольствием. А вы не знаете, мой муж тут?

– Я его не видал.

В комнате Ромы не оказалось. Вера попробовала позвонить ему на сотовый, но он не ответил. Как и всегда, на острове отвратительно ловила сеть. Она высадила куклу из кармана на кровать, и решила пока сходить попить чай. Блестящий самовар с чёрными ручками ждал её на столе в простор-

ной горнице вместе с грудой баранок. Они оказались жестковаты, но голодная Вера всё же съела парочку, размочив хлеб в чае. В процессе жевания между зубов у неё что-то застряло, и девушка с удивлением вытащила изо рта золотистую соломинку.

– Вам всё нравится? – зайдя в дом, поинтересовался хозяин и поставил веник в угол.

– Ага, – неопределённо ответила Вера, выбросив неясно откуда взявшуюся соломинку и в два глотка допив чай. – Большое вам спасибо за угощение! Всё было очень вкусно.

Вера поднялась из-за стола и двинулась к выходу, намереваясь прогуляться ещё немного. Но её остановил оклик хозяина:

– Вы забыли свою куколку.

– Какую куколку? – растерявшись, спросила Вера и обернулась.

На столе, у самого самовара, сидела её маленькая куколка, подаренная дедушкой Афанасием. Хозяин взял соломенный сувенир и вложил его в руки оторопевшей гостьи.

– Не теряйте её. Это ведь наверняка подарок.

С этими словами он бесшумно скрылся во внутренних помещениях дома, а Вера осталась в одиночестве стоять на пороге, напряжённо разглядывая сувенир, который она совершенно точно оставляла в комнате на кровати. Но возвращаться проверять не хотелось, и девушка выскользнула на улицу, спрятав куклу в карман и поскорее выбросив из голо-

вы эту странность.

Ей не терпелось найти Рому и поделиться с ним впечатлениями об экскурсии, но муж как сквозь землю провалился. Можно было, конечно, поискать его у местного сельмага, где продавали холодный бочковый квас, и Вера решила так и поступить. Идти было недалеко, и она зашагала по обочине дороги, мельком любуюсь рыхлой пеленой облаков, плывущих по небу.

Но в один момент доселе дремавшим шестым чувством она вдруг ощутила на себе чей-то внимательный взгляд, царапавший ей затылок. Спустя полминуты взгляд никуда не исчез, а стал лишь настойчивее. Вере сделалось не по себе, и она украдкой оглянулась, надеясь увидеть наблюдателя. Но улица позади была непривычно безлюдна. Ни одной души вокруг.

Вера нахмурилась и прислушалась. К раздражающему взгляду добавился шум чужих шагов позади. Однако, сколько бы девушка ни оборачивалась, она никого не видела, хотя шорох за спиной сопровождал её безуданно.словно стая крыс, шурша хвостами и скрежеща острыми зубами, ступала по её следу, моментально растворяясь в тенях, стоило оглянуться.

Некстати начался мелкий морозящий дождик, тёплый, как и все летние дожди, и обещавший быстро закончиться. Вера ускорила шаг, а преследовавший её шорох понемногу стал тише, пока не оборвался резким стуком захлопнувшей-

ся двери.

– Кто здесь?.. – испуганно шепнула Вера, мигом обернувшись. Её голос подхватил поток ветра и разбил о стёкла ближайших домов вместе с дождевыми каплями.

В окнах стояли люди.

В каждой избе, в каждом доме вдоль единственной деревенской улицы из-за стёкол на Веру таращились местные. Они стояли по двое, по трое у окон, не таясь, и внимательно наблюдали за одинокой девушкой, замершей на дороге. Беззвучно, неподвижно, как тысячелетние статуи.

Она зажмурилась от неожиданности, а когда вновь распахнула веки, то никого в окнах не было. Где-то в отдалении, на пристани, глухо взревел лодочный мотор, ветер всколыхнул льняные волосы, а на пороге ближайшего дома появилась желтоглазая худая кошка, протиснувшаяся в приоткрытую дверь. На бледную остолбеневшую Веру она даже не взглянула.

– Почудилось... Почудилось... – как мантру шептала девушка, неосознанно перейдя на бег и за минуту преодолев расстояние, отделявшее её от сельмага.

Внутри никого не было. Ни продавщицы, ни покупателей. Только товары пылились на полках, да на липкой ленте под самым потолком с жужжанием кружилась попавшая в ловушку муха.

Вера оглядела продуктовые ряды, протёрла очки и решила остаться в магазине, пока дождь не закончится. Через де-

сять минут мелкая морось прекратилась, продавщица же так и не появилась за прилавком, и Вера в большой задумчивости вышла на улицу. Вокруг вновь былолюдно: местные сновали по дворам, занятые своими делами, и не обращали на девушку никакого внимания. Неужели ей всё показалось?

Ещё и Рома так и не нашёлся. Если его не было в деревне, может, он гулял где-то на природе? Вера побрела к задним дворам, на самую окраину поселения, где тянулись ряды огородов. Впереди, за околицей, уже начинались сплошные светло-золотистые поля ячменя.

– А, чай, дочка, заблудилась ты, а? – прозвучал дребезжащий старушечий голос.

Вера огляделась по сторонам. На завалинке у одного из домов сидела старуха, сложив узловатые руки на коленях. С первого взгляда трудно было сказать, кто из них двоих был старше – серый косой дом с разбитым чердачным окошком, либо же его древняя беззубая хозяйка.

– Я не заблудилась. Я просто не знаю, куда идти, – пробормотала Вера.

– Ступай туда, куда ведёт кукла.

Вера в изумлении уставилась на старуху в цветастом платке, повязанном вокруг седовласой головы, а бабуля подслеповато щурилась на неё слезящимися глазами в ответ.

– Что вы сказали?..

– А?!.. – приставив ладонь к уху, гаркнула старуха.

– Что вы только что сказали?!

– А-а?! – ещё громче переспросила бабка. – Ничаго не слышу, милая. Что ты там говоришь?

Вера развернулась и быстрым шагом поспешила прочь из деревни, чувствуя в сердце неясную давящую тоску. Куколка, лежавшая в кармане, отчаянно жгла ей ногу, будто объятая незримым пламенем. Вдоль околицы она добрела до утопанной дороги и углубилась в золотистые поля ячменя. Со всех сторон её мягко обступил и укрыл от лишних глаз шелестящий океан созревших колосьев. Стебли дрожали на ветру, покачивали тяжёлыми головами и шептали:

– Всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо.

Вера им не слишком-то верила. Она так и не нашла Рому. Её преследовали непонятные видения. А соломенная куколка деда Афанасия вела себя безумно странно. Как и все местные жители.

В её душе всколыхнулся внезапный порыв. Вера достала куколку, хорошенько размахнулась и выбросила её далеко-далеко в поле. Ветер и колосья жадно проглотили подношение.

Но спокойнее не стало. Вера вытерла вспотевшие ладони о футболку, поправила съехавший кожаный поясok на шортах и пошла дальше.

По безлюдным полям она блуждала, пока солнце не начало клониться к линии горизонта, а Ромы всё не было нигде видно. Словно он взял и в одно мгновение испарился с острова. Вера стоптала все ноги, устала и проголодалась, а вол-

нение за мужа терзало её сильнее и сильнее с каждой минутой. Отчаявшись, она повернула обратно.

Шагая вдоль дороги и касаясь вытянутой рукой нагретых солнцем колосьев, Вера смотрела только себе под ноги. Треск ломающихся стеблей и шумное кряхтенье застали её врасплох.

– Да чтоб вас всех!.. – в отчаянии воскликнул вспотевший и облепленный сенной трухой Рома, выбираясь из ячменя на дорогу прямо перед Верой.

– Рома! – воскликнула Вера и бросилась ему на грудь. Отчего муж, мягко говоря, опешил.

Она откровенно радовалась встрече, а вот супруг никак не мог понять её чувств. И зачем только она о нём беспокоилась и переживала, ведь он никуда не мог исчезнуть с острова! Зачем она тратила время и силы на его поиски, могла бы отдохнуть в гостевом доме или покупаться!

– Дурак! – выкрикнула Вера. – Мало ли что с тобой могло случиться! И вообще! Где ты был весь день?!

Рома кивнул себе за спину, где на отдалении виднелся одинокий высокий тополь, возвышавшийся над полями ячменя, как величественный владыка над своим раболепным народом.

– Пытался поймать сеть. На всём острове ничего выше не нашёл.

– Ты что, на дерево взбирался?

– Да всё равно без толку. В этой дыре ничего не ловит.

Несколько часов по веткам лазал, как обезьяна, а безрезультатно! Так устал, что задремал потом прямо под деревом. И мне такая муть приснилась, ты не поверишь. Будто вокруг меня водят хороводы огромные соломенные пугала и поют какую-то жуткую песенку. Там было что-то глину, солому и, кажется, моё тело...

Вера неожиданно для себя рассмеялась, залилась искристым звенящим хохотом и потянула Рому за локоть в сторону деревни. А он покорно позволил себя увести. И пока они медленно брели вдоль полей под блёкло-розоватыми закатными лучами солнца, Вера рассказывала о поездке, о куколке и странных местных жителях. Рома же только фыркал и подтрунивал над женой.

– Ну ты мастерица выдумывать! Мой сон и рядом не стоял!

Уже возле самой околицы Вера вдруг разглядела что-то смутное впереди на земле. Она прищурилась, подошла ближе и не поверила собственным глазам. На дороге перед въездом в деревню стояла маленькая соломенная куколка. Вера схватила её и сжала, надеясь, что ей это мерещится. Но нет, кукла была вполне материальна. Те же соломенные волосы, то же лишённое черт лицо. Коричневый поясok, который раньше был красным.

– Я выбросила её! – воскликнула Вера, тыкая куклой в лицо Роме. – Как она тут оказалась?! Как?!

– Успокойся. Не ори ты так, а то сейчас из деревни народ

сбежится на твои вопли.

– Она меня преследует! – не унималась Вера, а глаза её горели ужасом.

– Это просто детская куколка. Куклы не умеют перемещаться сами собой. Хватит выдумывать.

До гостевого дома они оба добрались в самом прескверном расположении духа. Девушке до слёз было обидно, что супруг ей не верил. Рома же не понимал неожиданную истерику жены по поводу обычной безделушки. Маленькая куколка в свою очередь загадочно молчала, не раскрывая собственных тайн.

Вечером Рома валялся на кровати, сонно играя в телефоне в шахматы – единственную установленную игру, распанную им в недрах сотового. Вера же, то и дело бросая косые взгляды на подозрительную куклу на тумбочке, завернулась в полотенце и ушла в летний душ.

Мылась она долго, большую часть времени обдумывая странные события дня. Проще всего оказалось убедить себя в том, что случившееся было следствием солнечного удара, который она словила и сама не заметила. Да, определённо. Всё так и было. Август. Пышущее жаром солнце. Близость воды. Отсутствие панамы. Это точно был солнечный удар.

Когда Вера вернулась обратно в спальню, протирая краем полотенца очки, Рома лежал точно в такой же позе, в какой он был до ухода жены. Скучающим взглядом он скользил по шахматным фигурам, и в этом взоре не угадывалось ни

единой светлой мысли. Вера переделалась в ночную сорочку, присела на край кровати и уже по привычке глянула на плетёную куколку.

На пустом личике игрушки появились маленькие очки, сделанные из тонкой проволоки.

– Рома! Рома! – взвизгнула Вера, подскочив на кровати как ужаленная. – Очки!

Рома отлепил глаза от экрана смартфона, вяло перевёл их на жену. В этом взгляде читалась смертельная усталость от очередных причуд супруги.

– Это ты сделал, да? Это сделал ты, пока я была в душе! – внезапно осенило Веру, и в её груди бураном взвилась ярость. – Ты решил надо мной поиздеваться со скуки, да?! Ах ты козёл!

Она схватила подушку и принялась бить ей Рому, который мог лишь уворачиваться и недоумевать, из-за чего на него так злились. Вера не стеснялась в выражениях, поливая грязью бессердечного мужа, которому, как и всегда, было наплевать на то, что творилось у супруги в душе. В конце концов и Рома устал слушать эти обидные упрёки, завёлся и ответил жене порцией оскорблений.

– У тебя совсем в этой глуши крыша потекла! Зачем ты только нас сюда притащила!

Спать они легли, отвернувшись друг от друга. И в тягостном молчании, полном взаимных обид, каждый переваривал услышанное, забыв о кукле. Вера всю ночь ворочалась,

то проваливаясь в изменчивое марево сна, то выныривая из него и вновь вспоминая о разладе с мужем. Ещё и старый матрас, набитый соломой, именно в эту ночь казался Вере пыточным устройством. Солома так и лезла из него, болезненно впиваясь девушке в руки, ноги и живот. Ближе к утру высохшие стебли даже запутались у неё в волосах, а потом сами собой куда-то делись.

Утром супруги не глядели друг на друга и не разговаривали. Пока Рома ушёл чистить зубы, Вера переоделась и задалась вопросом, куда делась куколка, ведь на тумбочке её не было. Девушка поглядела вокруг, проверила одеяло, а после заглянула под кровать. Соломенная кукла ждала её именно там. Только она почему-то стала больше. Раньше фигурка легко умещалась у Веры на ладони, а теперь значительно превосходила её по размерам.

Было ещё кое-что, что Вера заметила не сразу. Вернее, заметила, но долго осознавала.

У куклы появились на голове волосы. Настоящие человеческие волосы, блестящие, струившиеся, как шёлк, цветом напоминавшие солому, и чуть длиннее плеч – точь-в-точь как у Веры.

Когда Рома вернулся в комнату, он застал жену бледной и сидевшей на полу. Она тыкала ему в лицо странной соломенной куклой и как безумная кричала, что кукла становится на неё похожей.

Мужчина с досадой подумал, что супруга, видимо, желала

продолжения вечернего скандала.

– Послушай, у тебя случайно нет температуры? – Рома потрогал её лоб. – Может, вчера на озере ты простыла, вот и бредишь.

Для Веры его слова стали последней каплей. Даже когда у куклы появились настоящие волосы, он ей не верил! Он считал её ненормальной!

Она вскрикнула и наотмашь отвесила ему пощёчину, хотя никогда прежде такого себе не позволяла. Рома схватился за вспыхнувшую болью щёку, и в его глазах сверкнула злоба.

– У тебя паранойя!

– Ты никогда меня не понимал! Никогда не был мне близок!

Хныкая и размазывая слёзы, Вера бросилась вон из комнаты. В горнице она налетела на хозяина дома, сразу испуганно отстранилась и вскинула заплаканное лицо, чтобы извиниться.

– П-простите... – Она хотела сказать что-нибудь ещё, но слова замерли на её искусанных губах.

– Вы сами-то не ушиблись? Куда так спешили? Эдак ведь и расшибиться недолго... Эй, случилось чего? Ну, будет вам плакать! Зачем зря сырость разводить?..

Хозяин гостевого дома всё продолжал говорить, пытаясь успокоить Веру, но она не могла отвести взгляд от его плеча, где из-под порванной в столкновении жилетки выглядывал пучок соломы. Он топорщился из-под ткани так явно, словно

у набивной куклы разошлись швы и наружу вывалилось всё содержимое. Хозяин же ничего не замечал.

Вера сбивчиво прошептала пару слов и быстрее проскочила к выходу, отгородившись дверью. На улице крапал дождь, а небо оказалось затянуто серыми тучами, скомкавшимися вокруг солнца, как грязная вата. На свежем воздухе девушке стало легче, слёзы на щеках смешались с каплями дождя, но в её душе распухался стылый цветок отчаяния. Она не знала, что делать, что предпринять, и в кому бежать. Её собственный муж не желал её слушать, а у кого ещё она могла искать защиты и понимания?!

Вера уронила голову на грудь и только тогда заметила, что в руках всё это время она судорожно сжимала соломенную куколку с золотистыми, как колосья ячменя, волосами. Она думала, что оставила её в комнате. Она *надеялась*, что так и поступила. Но кукла вновь решила иначе.

Капли дождя серебристыми дорожками стекали по безжизненному лицу плетёной игрушки.

– Дедушка... – мелькнула вдруг в голове Веры вспышка мысли.

Добрый старик наверняка мог ей помочь или хотя бы забрать обратно свой пугающий подарок.

Вдохновлённая этой идеей, Вера поспешила на пристань. Деревня стояла пустая: люди прятались от дождя по домам, и девушка была единственной, кто шагал по размытой дороге. На пирсе ни Афанасия, ни его лодки не оказалось. Там

вообще сидел только одинокий рыбак в зелёном дождевике и с удочкой. Вера без торга сунула ему крупную купюру и попросила отвезти на Соловый холм. Рыбак, не сказав ни единого слова в ответ, усадил промокшую насквозь девушку в уютную узенькую лодку и завёл мотор.

Воды озера были беспокойны, ветер усиливался, и лодку трясло, пока они добирались до приметного уединённого холма возле отмелей. Прижимая к груди куклу, Вера первой выскочила на берег и, даже не попрощавшись, бросилась в густые заросли кустов, прокладывая дорогу к сердцу острова. Мокрые ветви хлестали её по щекам и голым рукам, земля скользила под ногами, но Вера уверенно шла вперёд, пока не показались за частоколом сосен знакомые крыши домов.

Она помнила, что нужно пройти через всю прогалину, после миновать участок с ветхими домами, а там, за чахлой рощицей, лежала изба деда. И она шагала мимо низких бревчатых домов, которые в синеве сгустившихся туч больше не выглядели такими симпатичными и ухоженными. Скорее уж они походили на деревянные гробы, торчавшие из земли.

Все соломенный куклы были убраны в дома. На улице не осталось ни одной. И Вера ступала мимо кукольных жилищ, а оттуда на неё поглядывали хозяева своими пустыми лицами. Они все стояли у окон, и неприятное чувство дежавю кольнуло сердце Веры.

Гладкие соломенные лица прижимались к прозрачной завесе стёкол, усеянных каплями, и жадно следили за чужач-

кой. Казалось, их становилось всё больше и больше, этих плетёных силуэтов. Казалось, они даже начали двигаться.

Где-то пронзительно скрипнула дверь. Вера испуганно встрепенулась, замедлив шаг. А за её напряжённой спиной вдруг раздался прерывистый шёпот, заглушаемый ливнем:

– Тело – в глину и солому, душу – в куклу, смерть – живому.

Тяжёлый камень обрушился на голову Вере. Она даже не успела обернуться к дедушке Афанасию, как уже безжизненным кулём рухнула на соломенную подстилку. Из её пальцев выпала заметно подросшая плетёная кукла с золотистыми волосами, на чистом лице которой проступила улыбка, а под проволочными очками вдруг распахнулись очаровательные голубые глаза.

Рома не бросился следом за женой лишь потому, что надеялся на её скорое возвращение. На улице шёл ливень, который непременно остудил бы её пыл, и тогда они бы поговорили нормально, мирно и обстоятельно. Он намеревался сегодня же увезти её прочь с Враного острова, если это место так плохо влияло на психику жены.

Но Вера не вернулась ни через четверть часа, ни через час, ни к вечеру. За окном уже плескались густые тягучие сумерки, дождь давно закончился, оставив после себя мутные лужи на дороге. Рому стало одолевать беспокойство, и он выбрался из комнаты на поиски хозяина. Тот нашёлся возле

своего излюбленного самовара: сидя на лавке, мужчина сосредоточенно штопал разорванную рубаху.

– Вы не видели мою жену? Мы поссорились, и она куда-то убежала, ничего не сказав.

– У дедушки Афанасия она.

– Это где? На Соловом холме? – удивился Роман. – Что она там забыла?

– Соломенный дедушка всех привечает, кто ему люб. Приветил и её, значит.

Рома нахмурился. Неужели его жена за полтора дня так сдружилась со стариком? Или, может, это он и был виноват в душевном состоянии Веры? Ведь с ней всё было в порядке последние несколько дней, а тут она как ума лишилась. Всё твердила про эти куклы, про солому. Что такого мог ей наговорить старый хрыч, что у супруги неожиданно развилась паранойя?

Рома собирался выяснить правду во что бы то ни стало, забрать жену и завтра утром отплыть в Петрозаводск. Оставалось лишь добраться до Солового холма. Внутренне уже ощущая подступавшую тошноту, Рома побрёл в сторону деревенского причала. На его счастье, в это позднее время нашёлся одинокий рыбак, без лишних слов согласившийся доставить мужчину на небольшой островок. И хотя приступ тошноты мешал полноценно глядеть по сторонам во время поездки, но Рома всё же рассмотрел в сумерках приближавшийся холм, больше походивший на клочок тины, чем на

полноценный остров.

Рыбак молча высадил Рома и сразу отплыл обратно. Рома даже не успел его остановить:

– Эй! Пойдите! Мне ещё надо будет плыть обратно! Походите, говорю же вам!.. Вы что, глухой?! Вернитесь! Как же мы с женой отсюда теперь уплывём, а?!

Он кричал и кричал, но всё было бесполезно. Рыбак молча и быстро вёл лодку прочь.

Рома остался стоять на берегу в одиночестве, растерявшийся и смятённый. Над Соловым холмом понемногу сгущалась ночь, и нужно было начинать поиски немедленно, чтобы не блуждать по темноте. Не зная, куда идти, он наугад зашагал через бурелом и вскоре вывалился из зарослей травы и кустарника на открытое пространство.

Впереди в последних отблесках зашедшего солнца виднелись вереницы изб. Ни в одной из них света не было, а перед домами то здесь, то там стояли жёлтые соломенные фигуры.

Всё, как и рассказывала Вера.

Роман достал телефон, включил фонарик, чтобы получше разглядеть кукольное поселение. Плетёные люди, казалось, были живыми и наблюдали за мужчиной, поворачивая ему вслед свои плоские лица. Было в этой экспозиции что-то неправильное и до мурашек жуткое.

Он прошёл мимо высокой фигуры в старинной одежде, с картузом на голове и прорезанными бусами баранок на шее. Скользнул лучом фонарика по сидевшей на завалинке кук-

ле в старушечьем платке с цветами. На миг ему показалось, что между домами мелькнула фигура ребёнка, игравшая на земле с какой-то деревянной безделушкой.

В самом конце поляны, у последнего дома, сколоченного не так давно, судя по свежим брёвнам, стояла высокая женская кукла, которая привлекла внимание Ромы. Он подступил ближе, поднял телефон и мгновенно отпрянул в ужасе, стоило лучу света упасть на лицо фигуры.

Плетёная кукла была точной копией его дорогой Веры. Она носила её очки на пустом лице, соломенные волосы едва доходили до лопаток, а на тело были натянуты знакомые шорты с футболкой. Даже серебристые часики на запястье куклы были Вериными, Рома бы ни с чем их не спутал, ведь сам и подарил когда-то.

Рома шарил глазами по знакомой фигуре и всё никак не мог понять, откуда у плетёной куклы взялись все эти вещи, принадлежавшие его супруге. Он хотел сорвать их и уже коснулся пальцами гладкого лица, где из-под слоя соломы почему-то проступала рыжая глина, когда позади внезапно раздался тихий шорох, а ему на плечо легла чужая рука.

Соломенная рука. Рука его жены с её серебристыми часиками на запястье и тонким обручальным кольцом на плетёном пальце.

– Тебе тут понравится, Рома. Я обещаю, ты полюбишь это место так же сильно, как и я. Ведь теперь Враный остров – это наш дом.

Прямо на глазах у застывшего Ромы соломенная рука жены обростала нежной розовой кожей.